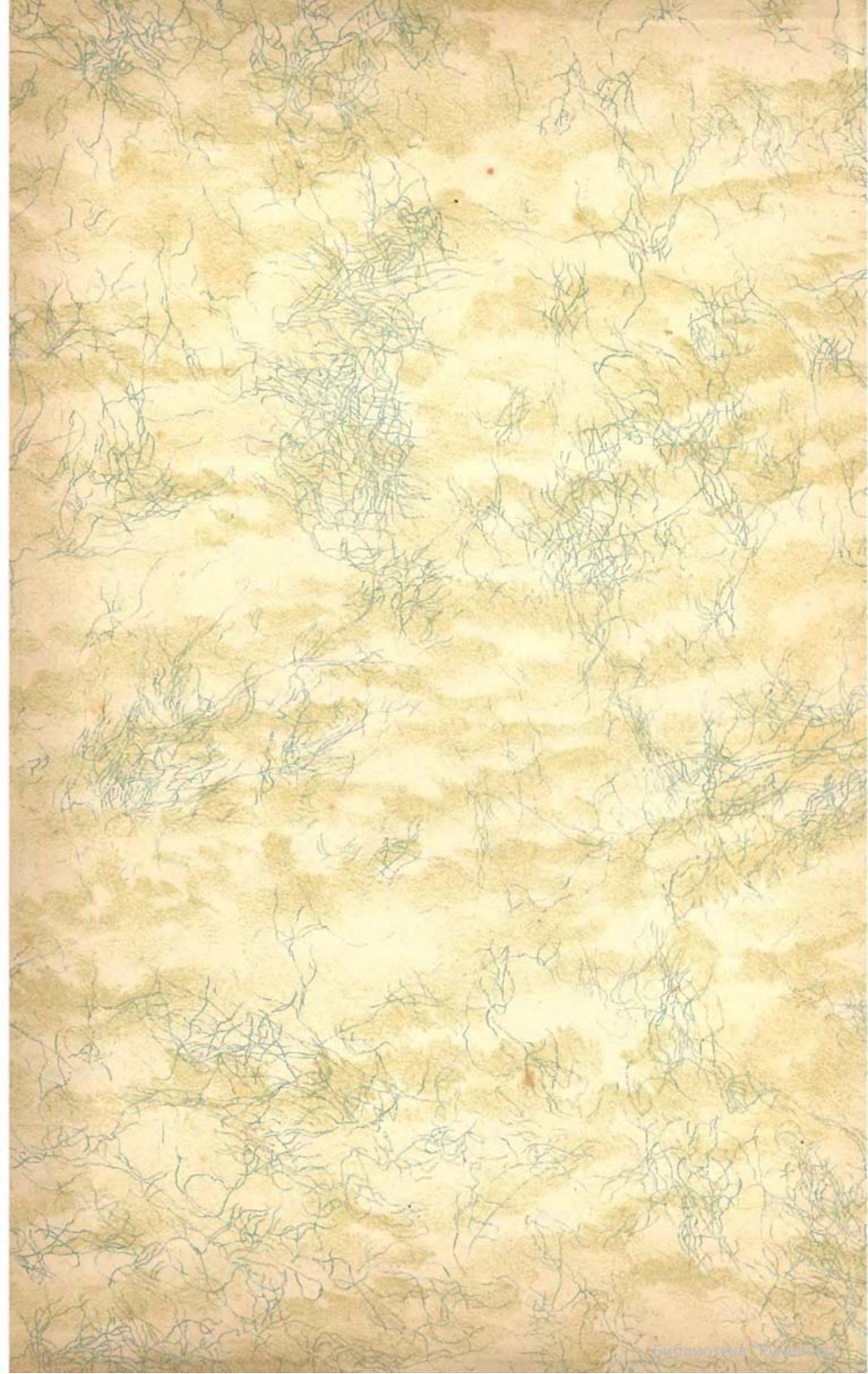
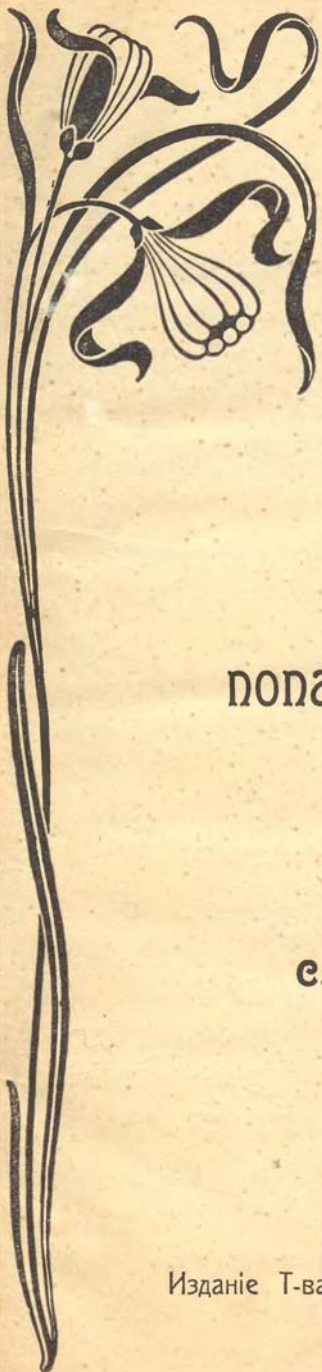

Литографія Т-ва И. Д. Сытина. Москва, Пятницкая ул., свой домъ. 1911 г.

Какъ

МИША

попалъ на фабрику.

Разсказъ для дѣтей средняго возраста.

С. Бажиной.

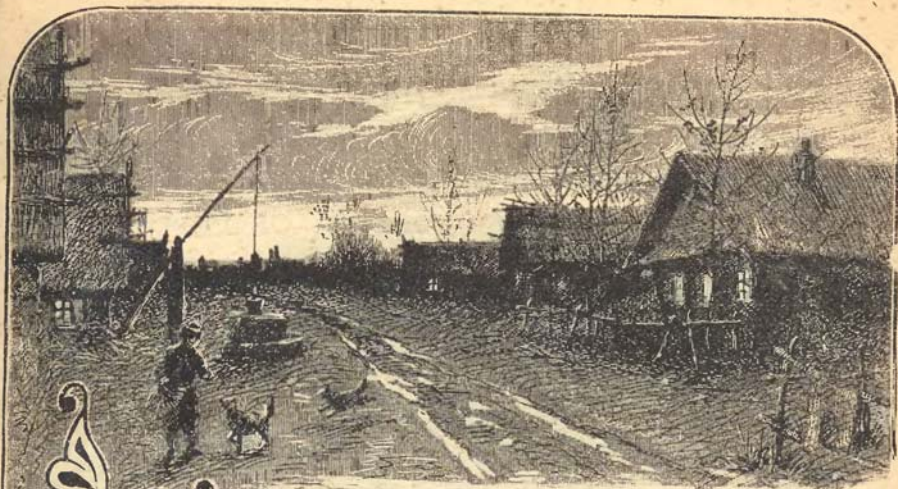

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1911.

I.

ороткій октябрьскій день уже давно окончился. На улицѣ деревни Холмистой бродили только собаки, изрѣдка глухо ворча и поводя носомъ по направленію лѣса, въ которомъ онѣ чужли, вѣроятно, своихъ исконныхъ непріятелей—волковъ.

Въ концѣ улицы показалась маленькая движущаяся точка, постепенно выраставшая, однакоже, въ концѣ-концовъ, выросшая все-таки не больше, какъ до размѣровъ крошечнаго мальчугана, такъ какъ это и на самомъ дѣлѣ былъ мальчикъ лѣтъ восьми. Собаки азартно бросились на него, но потомъ разомъ смолкли. Однѣ изъ нихъ

сдѣлали видѣ, что лаяли вовсе не на мальчугана и, добѣжавъ до него, повернулись мордами куда-то къ амбарамъ; другія обступили ребенка и, прыгая около него и ласкаясь, сопровождали его по улицѣ. Мальчуганъ былъ видимо не въ духѣ: онъ погладилъ только одну рыжую косматую собачонку, вбѣжавшую вмѣстѣ съ нимъ на дворъ одной изъ избъ, вытянутыхъ въ рядъ по солнечной сторонѣ улицы. Она проводила его до сѣней, повертѣла хвостомъ и, когда мальчуганъ отворилъ дверь въ избу, усѣлась на высокомъ крылечкѣ, то и дѣло поводя ушами и носомъ.

— Мишка пришелъ!.. Мишка пришелъ!.. Мишка!.. — разомъ раздалось нѣсколько дѣтскихъ голосовъ.

— Гдѣ ты такъ долго шлялся? — встрѣтила его сердито мать.

Миша снялъ съ себя бѣлую холщевую сумку, выложилъ изъ нея на столъ нѣсколько ломтей черного хлѣба, затѣмъ досталъ изъ-за пазухи уже совсѣмъ маленькій, тоже бѣлый, мѣшочекъ и высыпалъ изъ него на ладонь пять грошиковъ и одну копейку. Мать, возясь около печки, слѣдила за его движеніями и видимо была очень довольна грошиками.

— Гдѣ же ты это насбиралъ? — спросила она уже гораздо ласковѣе.

— На базарѣ, — отвѣчалъ Миша, снимая

...Миша высылалъ на ладонь пять грошиковъ и одну копейку...

съ плечъ сѣрый армякъ и освобождая ноги отъ онучъ и лаптей.

— Небось, усталъ; вѣдь далеко, — слышался съ печки голосъ бабушки, у

которой изъ семерыхъ внуковъ и внучекъ Миша былъ самый любимый.

— Больше никогда не пойду собирать, — рѣшительно объявилъ мальчуганъ, садясь на лавку и болтая босыми ногами.

— Это еще что? — опять разсердилась мать... — Вся деревня ходитъ за кусочками, а ты что за графъ?.. Жрать захочешь — пойдешь...

— Аль тебя кто обидѣлъ? — спросила жалостливая бабушка.

— Купецъ на базарѣ все срамилъ: шелъ бы, говорить, лучше работать, чѣмъ милостыню просить, — отвѣчалъ Миша, взявъ въ руки голую ногу и внимательно осматривая на ней ссадину.

— А ты бы ему сказалъ: давай работу, — проговорила мать, съ шумомъ захлопывая заслонку у печи и направляясь къ люлькѣ, въ которой давно уже неистово кричалъ ребенокъ.

— Я сказалъ...

— Ну? — съ любопытствомъ спросила бабушка.

— Иди, говорить, на фабрику...

Въ избѣ наступило молчаніе.

— На какую фабрику? — освѣдомилась мать, унявъ, наконецъ, плачущаго ребенка.

— Не знаю...

— Дуракъ! Гдѣ же ты ее найдешь, коли не знаешь?..

— Языкѣ до Кіева доведетъ, — серьезно повторилъ Миша не разъ слышанную имъ на базарѣ же пословицу. — А ужъ за кусочками больше не пойду, — прибавилъ онъ.

— Дамъ шлепка, такъ пойдешь, — было ему отвѣтомъ.

II.

 На другой день утромъ Миша безпрекословно позволилъ матери надѣть ему на шею холщевую сумку и засунуть за пазуху маленькій мѣшочекъ. Онъ взялъ съ собою ломоть хлѣба и запряталъ его вмѣстѣ съ мѣшочкомъ. Миша твердо рѣшился итти на фабрику, и ему представлялось, какъ онъ заработаетъ тамъ денегъ, цѣлую трехрублевку, и немедленно отошлетъ деньги, а нѣтъ — такъ и самъ снесетъ мамкѣ. А то вотъ намереніи тятка снесъ послѣднюю трехрублевку въ волостное правленіе на подушные. Выходя изъ

избы, онъ не вытерпѣлъ и обратился къ своему меньшому брату:

— Санька, пряника хочешь?

— Хочу.

— Подожди... уже...

И Миша скрылся за дверью, лукаво подмигивая своими веселыми голубыми глазами.

По деревенской улицѣ уже тянулись взрослые и ребятишки, всѣ съ холщевыми сумами за плечами. Кто выходилъ въ одну околицу, кто — въ другую; всѣ шли молча, понуривъ головы, точно стараясь не замѣчать другъ друга. Въ деревнѣ уже другой годъ былъ неурожай.

Миша отправился по знакомой дорогѣ въ село, и часа черезъ два ходьбы уже снова стоялъ передъ срамившимъ его вчера купцомъ.

— Опять побираешься! — грозно прикрикнулъ онъ на мальчугана.

— Чего зря кричишь-то? — повторилъ Миша слова, часто говоренныя матерью отцу. — Я на фабрику иду.

Купецъ посмотрѣлъ на мальчугана и залился смѣхомъ.

— Ахъ ты, пострѣлъ! — восклицалъ онъ, хлопая себя по бокамъ и взглядомъ пригла-

шая своихъ покупателей полюбоваться на «пострѣла». — Да ты знаешь ли, гдѣ фабрика-то?

— Найду, — съ увѣренностью отвѣчалъ Миша.

Купецъ опять хлопнулъ себя по бокамъ, и залился пуще прежняго. Кто-то изъ покупателей полюбопытствовалъ, какая такая на самомъ дѣлѣ фабрика и далеко ли она. Оказалось, что купецъ забиралъ на этой фабриктѣ бумажную пряжу и развозилъ ее далеко по уѣзду, а добраться до фабрики можно и скоро и долго. Коли, наприимѣръ, пѣшкомъ итти — пожалуй, недѣли три пройдешь, а коли попасть на чугунку — живо доѣдешь.

«Надо, значить, на чугунку попасть», рѣшилъ про себя Миша. Онъ давно уже слыхалъ объ этой чугункѣ, но все слышанное было до того сбивчиво и неясно, что не было никакой возможности составить о ней сколько-нибудь опредѣленное понятіе. Объяснить же толкомъ никто изъ деревенскихъ ему не могъ бы, потому что въ то время только что заводились эти чугунки въ тѣхъ мѣстахъ. Несомнѣнно казалось ему одно, что чугункой зовутъ лошадь, такую большую и сильную, что ей, пожалуй, ни-

чего не стоитъ увезти и тяткину избу, а то, пожалуй, и съ амбаромъ.

— А какъ найти эту чугунку? — спросилъ онъ.

Купецъ сталъ объяснять:

— Деревню Колбино знаешь? А тамъ будетъ село Мурка; а за селомъ опять выселки — «Сухими» прозываются, потому въ нихъ воды нѣтъ...

Купецъ назвалъ болѣе десятка деревень и, наконецъ, прибавилъ:

— А чугунка идетъ мимо Ягоднаго...

Миша, разумѣется, тотчасъ же перезабылъ названія половины деревень, но Ягодное крѣпко удержалъ въ памяти.

III.

И вотъ мальчуганъ пустился въ дальнѣй, неизвѣстный путь. До знакомаго Колбина онъ дошелъ скоро и переночевалъ тамъ у мамкиной кумы.

Въ каждой деревнѣ онъ обстоятельно расспрашивалъ о дорогѣ въ Ягодное и шелъ все дальше и дальше. Иногда онъ присаживался на телѣгу къ мужику, отправлявшемуся на мельницу или въ лѣсъ и охотно сажавшему его на мѣшки съ рожью, но это случалось не часто.

Между тѣмъ въ воздухѣ замелькали отъ времени до времени бѣлыя пушистыя снѣжинки. Онѣ залеживались иногда на всю ночь въ маленькихъ ямкахъ, въ выбоинахъ дороги, на сухихъ листьяхъ, слетѣвшихъ съ деревьевъ.

Наконецъ, когда Миша былъ уже близко къ цѣли своего путешествія, то — есть къ чугункѣ, повалилъ настоящій снѣгъ, съ рѣзкимъ порывистымъ вѣтромъ. Мальчуганъ шелъ-шелъ и вдругъ, къ своему удивленію, увидѣлъ большой обгорѣлый пенъ-тотъ — самый пенъ, на которомъ онъ отдыхалъ

часть тому назадъ. Онъ сбился съ дороги. Попробоваль Миша пойти въ другую сторону, но попалъ въ какія-то ямы, около которыхъ лежали бревна. Онъ повернулъ направо и уткнулся въ цѣлый городъ дровъ. Отъ времени до времени въ воздухѣ проносился рѣзкій свистъ, то отрывистый, то гудѣвшій долго-долго. Затѣмъ начиналось пыхтѣнье, — страшное, продолжительное; слышался топотъ многочисленныхъ ногъ, то совсѣмъ приближавшійся къ бѣдному, иззябшему, перетрусившему мальчугану, то, слава Богу, снова удалявшійся. Потомъ кто-то начиналъ гикать, и такъ громко и страшно, что гиканье филина пустяки въ сравненіи съ крикомъ этой чудной птицы, а то и Богъ его знаетъ кого. Изрѣдка, сквозь сыпавшійся снѣгъ, мальчику виднѣлись глаза — огромные, красные, подвигавшіеся къ нему все ближе, ближе и затѣмъ вдругъ исчезашіе. — Ни звука человѣческаго голоса ни жилья, — ничего не было вокругъ него. Миша медленно подвигался впередъ, и уже передъ его глазами начинали мелькать, точно наяву, лица матери, старой бабки, Саньки, — онъ уже начинаетъ засыпать... Вдругъ передъ нимъ выросло что-то черное, точно домъ. Мальчуганъ ожилъ. Ближе, ближе, —

домъ и есть: съ окнами, съ дверями, съ крылечкомъ. Миша вскарабкался на крылечко и постучалъ въ дверь, — отвѣта нѣтъ. Онъ попросился «Христа ради» войти, никто не отвѣчаетъ. Тогда онъ несмѣло попробовалъ отворить дверь, она легко отворилась.

Метель немного утихла, на небѣ показался мѣсяцъ. При его слабомъ свѣтѣ Миша увидѣлъ длинную-длинную комнату, по стѣнкамъ — все лавки и лавки. Комната была пустая и холодная, но иззябшему мальчику показалось въ ней очень тепло, и онъ, послѣ короткаго раздумья, подлѣзъ подъ одну изъ лавокъ, свернулся въ комочекъ, подложилъ подъ голову сумку, согрѣлся и скоро заснулъ.

IV.

Онъ и не подозрѣвалъ, что уже нѣсколько часовъ бродилъ взадъ и впередъ около самой «чугунки» — цѣли его путешествія. Ему, конечно, и въ голову не приходило, что онъ попалъ

вовсе не въ домъ, а въ пустой вагонъ, стоявшій на запасныхъ рельсахъ.

Между тѣмъ къ платформѣ маленькой станціи Ягодной подходилъ, пыхтя, длинный поѣздъ. Онъ остановился, и въ вагоны полѣзла цѣлая толпа мужиковъ, съ пилами, топорами, мѣшками и прочимъ скарбомъ. Весь этотъ людъ возвращался домой съ заработковъ. Долго ихъ гоняли изъ одного биткомъ-набитого вагона въ другой, наконецъ, было приказано прицѣпить къ поѣзду пустой вагонъ, и локомотивъ повезъ его на конецъ поѣзда. Длинная «комната» быстро наполнилась мужиками съ пилами и топорами.

— Эге, да тутъ ужъ есть одинъ пассажиръ! — воскликнулъ одинъ мужикъ, желавшій подсунуть свой мѣшокъ подъ лавку и наткнувшійся на спавшаго ребенка. — Ты, другъ, что же туда залѣзъ?.. А?..

Мужикъ ткнулъ мальчугана, но тотъ только промычалъ что-то, пошевелился и опять заснулъ какъ убитый.

— Не тронь, тамъ теплѣе; можетъ иззябъ, — сказалъ кто-то.

И Мишу не тронули. Его не тронули и тогда, когда оберъ-кондукторъ пришелъ повѣрять билеты, — не тронули потому,

что совсѣмъ забыли о немъ, занявшись хлопотливымъ дѣломъ развязыванія кошелей и доставанія оттуда билетовъ.

А поѣздъ все шелъ да шелъ. Сначала Миша, совсѣмъ согрѣвшійся отъ наваленныхъ вокругъ него мѣшковъ, спалъ крѣпко, но потомъ началъ просыпаться чаще и чаще, а наконецъ, когда поѣздъ, подходя къ станціи, сталъ отчаянно свистѣть, мальчуганъ совсѣмъ проснулся и протеръ глаза. Что за диво! Вѣдь онъ ѣдетъ да еще какъ шибко! Онъ тихонько высунулъ изъ-подъ лавки голову и сталъ осматриваться и прислушиваться. Половина мужиковъ спали, другіе разговаривали.

Въ разговорахъ часто употреблялось слово «чугунка». Такъ и есть. Мишѣ ужасно хотѣлось вылѣзть и посмотреть на эту большую лошадь. Онъ сообразилъ, что попалъ, значить, не въ домъ, а въ большую-большую телѣгу, въ которую, во время его сна, заложили эту чугунку-лошадь, насажали мужиковъ и поѣхали. Тутъ онъ вспомнилъ, что эта чугунка возить за деньги; значить, лучше не вылѣзать, такъ какъ, навѣрное, за проѣздъ отобрали бы всѣ его двадцать копеекъ, которыя ему давали грошиками по дорогѣ добрые

люди, а то, чего добраго, и не хватило бы еще...

Спать онъ уже не могъ. Когда поѣздъ шелъ тише, онъ думалъ про себя: «устала», и тихонько чмокалъ губами, какъ обыкновенно чмокають, когда подгоняють лошадь. Если поѣздъ останавливался минутъ на двадцать на станціи, Миша рѣшалъ, что, вѣрно, «поятъ» или «кормятъ». Когда же вагоны мчались по ровному и безопасному мѣсту, мальчуганъ слегка шевелилъ плечами, шепча: «лихо бѣжить».

Между тѣмъ вагонъ началъ пустѣть: мужики то и дѣло вылѣзали на станціяхъ и уже пѣшкомъ отправлялись по деревнямъ. Подъ утро вошелъ кондукторъ, растолкалъ двухъ-трехъ оставшихся пассажировъ и приказалъ имъ перейти въ другіе вагоны, такъ какъ этотъ отцѣплятъ и оставятъ здѣсь, на станціи.

Пассажиры вышли, а вагонъ съ мальчуганомъ отвезли на запасные рельсы и оставили.

Мальчуганъ съ удивленіемъ разсматривалъ представившееся его
глазамъ чудо.

Какъ Миша поступилъ на фабрику

V.

Миша осторожно отворилъ дверь, оглядѣлся и благополучно спустился на землю. Первое, что бросилось ему въ глаза, это—локомотивъ, суетливо бѣгавшій по рельсамъ и поминутно зацѣплявшій то платформу съ дровами, то вагонъ и отвозившій ихъ вправо, влево, назадъ и впередъ. Мальчуганъ съ удивленіемъ разсматривалъ представившееся его глазамъ чудо. Онъ понялъ, что это не лошадь, а между тѣмъ—бѣгаетъ и возитъ. Потомъ его очень заинтересовали движенія локомотива, и онъ сталъ имъ подражать, двигая локтями.

— Ты что тутъ дѣлаешь?.. Пошелъ прочь! — раздался позади его грозный окрикъ сторожа.

Мальчуганъ струсиль и, заикаясь, объяснилъ, что идетъ на фабрику, сбился вчера съ дороги и теперь не знаетъ, куда итти.

— Пошелъ прочь съ рельсовъ! раздавать! — крикнулъ опять сторожъ и, къ великому удовольствію Миши, прибавилъ, что фабрика близко—вонъ за тѣмъ лѣсомъ.

Лѣсъ виднѣлся въ полуверстѣ отъ станціи; мальчуганъ бодро зашагалъ по указан-

ной ему дорогѣ. Однако онъ шелъ уже часть, другой, третій, а фабрики все еще не видно; лѣсъ то прекращался, то начинался снова; солнце прогнало съ земли вчерашній снѣгъ; день былъ совсѣмъ теплый.

При крутомъ поворотѣ лѣсной дороги мальчугану неожиданно представилась очень любопытная картина. Посреди дороги стояла телѣга не телѣга, а точно скамейка, поставленная на высокія - высокія колеса и запряженная въ одну лошадь. На скамейкѣ сидѣла барыня и держала въ рукѣ длинную-длинную хворостину—аршина въ четыре, только очень тоненькую. Около лошади хлопоталъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Впрочемъ, Миша не вдругъ рѣшилъ—мальчикъ это или дѣвочка: его привело въ недоумѣніе пальто - халатъ, которое онъ сначала принялъ за женскую одежду. Съ этими неизвѣстными путешественниками случилось маленькое несчастіе: у нихъ распряглась лошадь. Худенькій, хотя вдвое выше Миши ростомъ, мальчикъ въ пальто-халатѣ никакъ не могъ подступить къ лошади, которая, очевидно, надъ нимъ смѣялась: лишь только онъ протягивалъ руку, чтобы схватить болтавшійся ремень отъ хомута, лошадь тотчасъ же поднимала

высоко верхнюю губу, обнажала бѣлые большіе зубы и трясла головой. Мальчикъ со страхомъ отскакивалъ назадъ.

Миша пріостановился. Скоро его замѣтила барыня и вскрикнула отъ удовольствія.

— Мальчикъ, а мальчикъ, поди-ка сюда, заложи намъ лошадь!—звала она его и махала рукой, приглашая итти скорѣе.

Миша медленно подошелъ.

— Ну, скорѣй, скорѣй!—торопила обрадованная барыня.

Мальчугану было не въ диковинку запрягать лошадей, и потому онъ, хотя и медленными, но рѣшительными шагами подошелъ къ кабріолету и, снявъ рукавицы, засунулъ ихъ за армякъ. Маленькая, точно выточенная лошадка сердито передернула ушами и капризно мотнула красивой головой.

— Н-но!—повелительно крикнулъ Миша, когда она снова мотнула головой, оскалила зубы и начала перебирать ногами.

Этотъ грозный окрикъ нѣсколько озадачилъ красивую, избалованную лошадь. Можетъ-быть, въ этомъ окрикѣ ей почудился знакомый голосъ кучера, который никогда не позволялъ ей «баловаться». Она наклонилась, заглянула прямо въ

лицо Миши и фыркнула, обдавая его всего брызгами.

— Н-но!.. не балуй!—еще повелительнѣе крикнулъ онъ и поднесъ къ ея красивой мордѣ свой маленькій сжатый кулакъ.

Для лошади не оставалось болѣе сомнѣнія, что, если это былъ не самъ переродившійся кучеръ, то, во всякомъ случаѣ, кто-то очень на него похожій; поэтому она присмирѣла, позволила Мишѣ упереться колѣномъ въ хомутъ и крѣпко стянуть ремень. Дѣло было окончено.

— Спасибо, мальчикъ, спасибо!—весело заговорила барыня, которой, разумѣется, вовсе не хотѣлось возвращаться съ прогулки пѣшкомъ по грязи и вести за собой отпряженную лошадь, которую нельзя было оставить одну въ лѣсу.

Барыня достала изъ кармана серебряный портмонэ, порылась въ немъ и положила обратно въ карманъ. Она было хотѣла вознаградить Мишу за услугу, но въ портмонэ оказались только бумажки и двугривенные, а дать двугривенный показалось ей слишкомъ много.

— Спасибо, спасибо!..—повторила она еще разъ и прибавила:—А какъ тебя зовутъ?

— Спасибо, мальчикъ, спасибо! — весело говорила барыня...

Миша сказалъ.

— А куда ты идешь?

Миша и это сказалъ.

— Вотъ и чудесно! — обрадовалась барыня. — Наша фабрика сейчасъ же тутъ, за лѣсомъ... У воротъ — сторожъ. Ты ему скажи, что Анна Максимовна, барыня, велѣла тебя непременно принять... Не забудешь?.. Барыня, Анна Максимовна...

Мишѣ положительно везетъ. Такъ удобно совершилъ онъ подъ лавкой цѣлое путешествіе чуть не до самой фабрики, а теперь оказалъ услугу самой владѣтельницѣ фабрики... Не даромъ бабушка говорила, что онъ родился въ сорочкѣ.

VI.

ѣсь окончился. Вправо стоялъ большой барскій домъ, а влѣво — дворецъ... Огромный — огромный, въ нѣсколько этажей и съ такой высокой трубой, что куда выше сельской колокольни. Миша принялся было считать во дворцѣ окна, но сбился, — куда больше двадцати, а послѣ двухъ десятковъ Миша считалъ уже совсѣмъ плохо. «Гдѣ же фабрика-то?» думалъ онъ, бродя глазами по низу, представляя себѣ фабрику похожую на кирпичные заводы, которые онъ видѣлъ въ селѣ.

— Дяденька, гдѣ тутъ фабрика?—спросилъ онъ сторожа у воротъ дворца.

— Здѣсь... А тебѣ на что?..

Миша опять повелъ глазами по сторонамъ и объяснилъ сторожу, что пришелъ работать.

— И своихъ некуда дѣвать,—замѣтилъ сторожъ.

Миша постоялъ, помолчалъ и, наконецъ, сказалъ, что, дескать, барыня, Анна Максимовна, непременно велѣла его принять.

Разумѣется, сторожъ полюбопытствовалъ, гдѣ это Миша познакомился съ барыней. Миша рассказалъ. Въ это время въ воротахъ показался какой-то баринъ. Сторожъ поспѣшно снялъ шапку, Миша—тоже. Баринъ былъ директоръ фабрики, или, какъ его всѣ звали, «мастеръ». Услышавъ отъ сторожа, что барыня, Анна Максимовна, прислала «вотъ этого мальчишку», мастеръ сказалъ, «хорошо», и приказалъ отвести Мишу въ семейную казарму.

Всѣ желанія мальчугана сбылись: онъ принять.

Когда Миша вошелъ въ семейную казарму, она была почти пуста: ея обитатели были на фабрикѣ. Въ казармѣ оставались

только маленькіе
ребятишки да
старуха — для
присмотра за
ними.

Старуха раз-
спросила Мишу,
откуда онъ при-
шелъ, подивилась,
что издалека,
поворчала, что
здѣсь и своихъ
много, затѣмъ
зѣвнула и легла
на нары. Миша
постоялъ — посто-
ялъ и присѣлъ
въ уголокъ. Ему
очень хотѣлось
ѣсть, и онъ все
ждалъ, что вотъ
«бабушка» дастъ
ему пообѣдать;
но бабушка ско-
ро захрапѣла и
даже не слышала.
какъ въ люлькѣ
началъ кричать

— (иденька, гдѣ тутъ фабрика?—спросилъ
Миша у сторожа.

ребенокъ. Миша всталъ и принялся его качать. Мальчугану вдругъ вспомнилась родная изба, своя жалостливая бабушка, Санька, — и слезы заблестѣли на его голубыхъ глазахъ. А ѣсть-то очень хочется... Закачавъ ребенка, Миша походилъ по казармѣ, поглядѣлъ на столъ, на подоконники, — нигдѣ ни корочки хлѣба. Мальчуганъ тихонько отворилъ двери и вышелъ въ сѣни. У порога сидѣла красивая, откормленная легавая собака, мелькомъ взглянувшая на Мишу и опять погрузившаяся въ созерцаніе двухъ кошекъ, осторожно прокрадывавшихся по двору. Недалеко отъ собаки стояло небольшое корыто, доверху наполненное кусками хлѣба, очевидно, смоченнаго щами, потому что кое-гдѣ виднѣлись листочки капусты. Къ корыту пріютился совсѣмъ маленькій мальчикъ, едва умѣвшій ходить. Онъ таскалъ ручонками хлѣбъ изъ корыта и усердно набивалъ имъ ротъ. Миша все двигался, двигался и, нако нецъ, совсѣмъ придвинулся къ корыту, нерѣшительно поглядывая и на соблазнительное кушанье и на ребенка.

— Мм... мм... — точно пригласилъ его тотъ, запуская глубоко ручонку въ корыто вскидывая на Мишу ясные глаза.

Сначала Миша только подсѣлъ поближе, потомъ досталъ одинъ кусочекъ, другой, третій... Чудо какъ вкусно! Скоро корыто почти опустѣло. Въ сѣняхъ скрипнула дверь.

— Ахъ, негодные! Поглядите, что они тутъ дѣлаютъ! — заговорила женщина вышедшая изъ смежныхъ съ казармою дверей. — Ну, тотъ маленькій, глупый, а ты-то, дуракъ, что дѣлаешь? — корила она Мишу. — Изъ собачьяго корыта ѣшь, душу свою поганишь!..

Миша нѣсколько смутился и поспѣшилъ убраться въ казарму. О душѣ, какъ о чугункѣ, онъ имѣлъ очень смутное понятіе; что же касается до собачьяго кушанья, то оно такъ ему понравилось, что онъ даже подумалъ: «Вотъ кабы наши поѣли такого кушанья! Ужъ я и не помню, когда у насъ такія щи варились».

VII.

 въ шестомъ часу утра по фабричному двору пронзительно и заунывно загудѣлъ гудокъ. Народъ сталъ подниматься на работу; поднялся и Миша.

— Это еще откуда головастикъ? — спрашивали женщины, поглядывая на мальчугана, котораго онѣ и не замѣтили вчера, вернувшись съ работы.

Худой и блѣдный мальчикъ, въ ситцевой рубашкѣ и рваной жилеткѣ, подошелъ къ самому лицу Миши и уставился на него, протирая кулаками глаза, слипавшіеся отъ сна.

— Ты чей? — началъ онѣ допросъ.

Миша не отвѣчалъ и, потушившись, разсматривалъ новаго товарища.

— Ты глухой? — продолжалъ блѣдный мальчикъ. — Тебя какъ зовутъ?

Миша отвѣтилъ.

— А меня — Васькой, — сообщилъ, въ свою очередь, новый знакомый и совершенно неожиданно прибавилъ: — А я тебя бить буду...

Въ подтвержденіе своихъ словъ, онѣ съ размаху ударилъ Мишу по головѣ; тотъ, въ свою очередь, молча далъ сдачи; блѣдный мальчикъ заревѣлъ.

— Ахъ ты, негодяй!.. Я тебя!.. Ты что дерешься!? — закричали на Мишу женщины.

— Онѣ самъ меня ударилъ, — попробовалъ защищаться Миша.

— Онъ — староста, старшій изъ мальчиковъ, наблюдающій за работой новичковъ, — было ему отвѣтомъ.

«Староста» — слишкомъ знакомое слово для деревенскаго мальчугана, и потому Миша замолчалъ и постарался держаться отъ Васьки подальше.

Когда Миша вышелъ на дворъ, и фабричное зданіе взглянуло на него длинными рядами своихъ освѣщенныхъ оконъ, онъ даже остановился отъ восторга и удивленія и потомъ бѣгомъ бросился вслѣдъ за прочими въ широкую фабричную дверь. Работа еще не начиналась, мужчины и женщины молча расходились по своимъ мѣстамъ; безчисленные колеса бездѣйствовали; ремни недвижно висѣли въ воздухѣ. Миша стоялъ и глядѣлъ во всѣ глаза туда и сюда. Онъ несмѣло ступилъ нѣсколько шаговъ по длинному и широкому залу или, скорѣе, сараю и — остановился. Господи, чего не нагорожено въ этомъ сараѣ!.. Все блеститъ, свѣтится, лоснится..

Издали слышалось пыхтѣнье паровика, уже знакомое мальчику со вчерашней ночи, проведенной на желѣзной дорогѣ, — и разомъ вокругъ него все ожило, заverteлось. Миша не зналъ, на что смотрѣть. Видитъ

онъ, напимѣрь, столъ не столъ, а скорѣе что-то похожее на закромъ, куда хлѣбъ ссыпають; изъ этого закрома тянулись, бѣлыя, какъ снѣгъ, пухлыя ленты и спускались въ стоящіе на полу высокіе и узенькіе тазы. Сверху, надъ этими тазами, висѣли большія гири, которыя сами собою спускались и поднимались, утаптывая плотнѣе ленты въ тазахъ. Около закрома стояла, сложа руки, женщина. Когда тазъ наполнялся доверху, она отрывала ленту, отнимала тазъ и на его мѣсто подставляла другой.

Миша тихонько, по стѣночкѣ, пробрался, черезъ всю фабрику и заглянулъ въ первую, попавшуюся ему на глаза, отворенную дверь. Тамъ, посреди комнаты, клокотало и ревѣло какое-то чудовище. Въ его разверстую пасть двое фабричныхъ кидали цѣлые мѣшки сорного, свалывшагося хлопка, и чудовище мигомъ разбивало его по волоску, отдѣляло отъ него пыль и соръ и выбрасывало его назадъ совсѣмъ чистымъ и мягкимъ. Воздухъ въ этой комнатѣ стоялъ такой густой, что Миша разомъ зачихалъ и закашлялъ.

Два мальчика пробѣжали по широкой лѣстницѣ во второй этажъ фабрики. Миша, крадучись, послѣдовалъ за ними. Тамъ въ

два ряда были наставлены по всему полу какіе-то экипажи: онъ слышалъ потомъ, что фабричные называли ихъ «каретами». Переднія части этихъ каретъ катались сами собою по полу: отъѣдутъ аршина на два и опять назадъ; заднія оставались постоянно на мѣстѣ; на нихъ были наставлены въ рядъ початки съ толстой пряжей. Тѣ части, которыя двигались, тянули эти толстыя пухлыя нитки, дѣлали ихъ совсѣмъ тонкими, крутили и наматывали на свои веретена. Около каждой кареты стояло по человѣку—смотрѣть, чтобы нитки не рвались. Но что всего интереснѣе показалось Мишѣ, такъ это то, что, когда карета ѣхала впередъ, подъ нее сейчасъ же подлѣзалъ маленькій мальчикъ, проворно обмахивалъ снизу пыль, обильно насѣвшую отъ пряжи, и проворно вылеталъ изъ-подъ кареты, когда она ѣхала назадъ. Экипажъ этотъ катался довольно быстро, и мальчикъ то и дѣло исчезалъ подъ нимъ и вновь выскакивалъ на свѣтъ Божій.

«Немудрена же эта работа!» думалъ Миша, нагнувшись къ самому полу и слѣдя за движеніями маленькаго работника.

Насмотрѣвшись на кареты, онъ двинулся дальше, въ уголъ. Тамъ женщины раз-

матывали на мотки уже спряденную пряжу. То-есть онѣ только стояли и смотрѣли, а мотки, какъ въ сказкѣ, мотались сами собою: наматается пасьма и щелкнетъ, точно языкомъ, громко такъ, а женщина возьметъ и переложитъ ее толстой ниткой... И опять поѣхало...

Миша повернулъ въ другую сторону. Тамъ уже размотанную и свернутую пряжу укладывали тюками, навалили большой, высокій тюкъ и прикрыли его бумагой. Вдругъ, сверху, точно по щучьему велѣнью, спустилась доска и такъ его приплюснула и сжала со всѣхъ сторонъ, что сдѣлала совсѣмъ маленькимъ: хоть бери да на ладонь клади.

— Ты что тутъ шляешься?! — крикнулъ на Мишу подмастерье. — Ступай концы щипать.

Подмастерье повелъ мальчугана въ маленькую фабричную пристройку и отдалъ его на руки Васькѣ-старостѣ. Тамъ, въ этой пристройкѣ, сидѣли на полу пятеро мальчиковъ и лѣниво расщипывали короткіе, толстые концы пряжи, снятые съ початковъ и предназначавшіеся для низшаго сорта ваты.

Или Васька бывалъ сердитъ только со сна, или на него подѣйствовалъ давеш-

ній отпоръ Миши, — только «староста» обошелся съ новичкомъ на этотъ разъ довольно ласково и даже показалъ ему, какъ надо «щипать концы».

...Пятеро мальчиковъ сидѣли на полу и лѣниво расщипывали концы пряжи...

VIII.

Сначала Миша просто съ презрѣніемъ относился къ своей работѣ. Онъ, по примѣру другихъ мальчиковъ, ложился на брюхо или садился, поджавъ подъ себя ноги колачиномъ, и

Какъ Миша попалъ на фабрику.

щипаль, щипаль съ пяти часовъ утра и до девяти, — когда полагалось полчаса на завтракъ, — съ половины десятаго до часу, — когда давался отдыхъ на обѣдъ, — съ двухъ и до половины седьмого вечера, — когда уже совсѣмъ оканчивалась работа на фабрикѣ.

— Ну, ужъ работа! цѣлый день лежать на брюхѣ! — говорилъ онъ товарищамъ, и при этомъ рассказываль, какъ онъ «работаль» съ тяткой и мамкой во время покоса и жнитва.

Однако, къ величайшему своему удивленію, онъ сталъ замѣчать, что страшно устаетъ отъ этой «пустяшной» работы. Точно будто эта пыль и волоски съ пряжи залѣзали въ носъ, въ горло и заваливали его, такъ что и дышать было нечѣмъ. И ноги уставали и руки; а когда Миша выходилъ изъ фабричныхъ дверей, у него являлось непреодолимое желаніе заорать, чтобы прочистить горло, и козломъ проскакать до казармы, чтобы хоть сколько-нибудь размять онѣмѣлыя ноги. Однако, онъ бодро переносилъ усталость, мечтая о зелененькой бумажкѣ, которую онъ скоро пошлетъ домой.

Когда перваго числа рабочіе отправились въ контору получать жалованье, вмѣстѣ съ ними пошелъ и Миша.

— Ну, ты еще на харчи не заработалъ, да на сапоги, — сказалъ конторщикъ, когда очередь дошла, наконецъ, до мальчугана.

Миша не выдержалъ: заревѣлъ. Онъ увѣрялъ, что ему не надо сапоговъ, а ему отвѣчали, что на фабрикѣ нельзя ходить въ лаптяхъ. Онъ чуть не рвалъ съ себя ситцевую рубаху, которую надѣли на него со второго дня его пребыванія на фабрикѣ, и говорилъ, что мамка даромъ пришлетъ ему холщевыхъ рубашекъ, а конторщикъ, смѣясь, назвалъ его дуракомъ и прибавилъ, что холщевыхъ рубашекъ нельзя здѣсь носить — по закону, «потому, если попадаешь въ какую-нибудь машину, такъ тебя вмѣстѣ съ твоимъ холстомъ и смететъ, а если она зацѣпитъ за ситецъ—живо его разорветъ, и ты останешься цѣль»...

Миша заскучалъ было, но, на его счастье, скоро выпала ему, совершенно неожиданно, болѣе прибыльная работа, чѣмъ щипаніе концовъ. Одинъ изъ мальчиковъ, лазавшихъ подъ «кареты», заболѣлъ, и Мишу поставили на его мѣсто.

— Смотри, проворнѣе вылѣзай вонъ, а не то—я тебя,—пригрозилъ ему прядильщикъ.

Миша слазилъ разъ, слазилъ два, слазилъ три, и услышалъ похвалу: подмастерье

назвалъ его «молодцомъ». Миша полѣзъ въ четвертый, мысленно рѣшая въ умѣ, что хотя эта работа веселѣе, но все-таки «пустяшная», какъ вдругъ кто-то сильно ударилъ его по затылку, такъ что онъ не вылѣзъ, а вылетѣлъ изъ-подъ кареты.

— Чего ты дерешься? — жалобно обратился онъ къ прядильщику, думая, что онъ—его обидчикъ.

Тотъ остановилъ карету и покатился со смѣху.

— Такъ, такъ, братецъ; поругай ее хорошенько, а нѣтъ, такъ и самъ дай ей сдачи,—говорилъ онъ, хохоча и показывая пальцемъ на прядильную машину. — Она обидчица; она вашего брата не долюбливаетъ... Она вамъ потачки не даетъ...

Около прядильщика собралось нѣсколько человѣкъ, которые, узнавъ въ чемъ дѣло, тоже расхохотались: очень ужъ разсмѣшило ихъ обиженное восклицаніе Миши: «чего ты дерешься?» Мальчуганъ стоялъ, искоса поглядывая на «обидчицу», и усердно потиралъ затылокъ, на которомъ уже вскочила большая шишка.

Около мѣсяца прошло благополучно. Миша уже не называлъ свою работу «пустяшной» и находилъ, что хотя лазить

все-таки веселѣе, чѣмъ лежать на брюхѣ, но зато еще утомительнѣе. Съ утра — еще ничего; а къ вечеру просто хоть плачь; ноги не двигаются, руки не въ состояніи смахнуть, какъ слѣдуетъ, пыль... А тутъ еще того и гляди, она опять треснетъ, а нѣтъ — попадетъ въ ухо отъ прядильщика, который безпрестанно кричитъ: «Чище обметай, чище»...

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Миша совсѣмъ выбился изъ силъ и не успѣлъ во-время отдернуть руку отъ страшной «обидчицы». Она захватила ее своими безчисленными ремнями и колесами и сдавила. Отчаянный дѣтскій крикъ пронесся по фабрикѣ и замеръ... Разомъ остановились всѣ машины, точно испуганныя озорствомъ своей товарки надъ бѣднымъ ребенкомъ. Къ мѣсту происшествія сбѣжались фабричные, прибѣжали даже самъ мастеръ. Мишу вытащили безъ чувствъ. Явился фельдшеръ, осмотрѣлъ руку и объявилъ, что «пустяки». Оказалось, что у мальчугана оторвало одинъ мизинецъ, повредило безымянный палецъ и содрало мѣстами кожу съ руки вплоть до плеча. Но на фабрикѣ это считалось пустяшнымъ поврежденіемъ, такъ какъ зачастую бывали гораздо болѣе ужасные случаи

То же сказалъ ему и больничный сторожъ, когда Мишу привели въ чувство, перевязали, обмыли и водворили въ больницу.

— Мизинецъ, это, братецъ ты мой, совсемъ не нужная вещь, — говорилъ сторожъ, старый солдатъ, съ длинными бѣлыми усами. — Вотъ кабы всю руку оторвало — дѣло другое, а то, тфу!

И солдатъ плевалъ, нажимая большимъ пальцемъ на поднявшуюся въ трубкѣ золу и ласково посматривая на Мишу подслѣповатыми добрыми глазами.

— Пустяки! — какъ-то тупо повторилъ мальчуганъ, поглядывая на свою забинтованную руку и пожимаясь отъ боли и лихорадочнаго озноба.

Сторожъ уложилъ его на лавку, прикрылъ своимъ полушубкомъ и сѣлъ неподалеку, продолжая утѣшать Мишу, рассказывая при этомъ, что такія ли бываютъ раны!

Ночь прошла для Миши не особенно хорошо: рука болѣла, лихорадочный жаръ тоже не давалъ спать. Утромъ явился фельдшеръ и сталъ развязывать руку. Было очень больно, бинтъ мѣстами присохъ, — изъ ранъ опять показалась кровь. Мишу окончательно начала трясти лихорадка и отъ боли и отъ страха.

— А ты не гляди, — вмѣшался въ дѣло сторожъ и нахлобучилъ на глаза мальчугану

Сторожъ уложилъ Мишу на лавку, прикрылъ своимъ полушубкомъ и сѣлъ неподалеку...

свою большую мѣховую шапку. — Не станешь глядѣть — и больно не будетъ...

И въ самомъ дѣлѣ, стало какъ будто не такъ больно, а главное — совсѣмъ не страшно. Перевязка прошла благополучно.

Наступило время обѣда, и Миша печально смотрѣлъ на чашку съ похлебкой: какъ же онъ будетъ ѣсть, когда у него правая рука завязана?

— Все это пустяки! — опять вмѣшался сторожъ. — А ты ее, барыню, лѣвую-то, заставь поработать, — говорилъ онъ, вкладывая ложку въ лѣвую руку мальчугана. — И что это подумаешь: такіе же на ней пять пальцевъ, а ничего-то она порядкомъ не хочетъ дѣлать... Какъ есть барыня... Ну, ну, ну, вотъ такъ!.. Учи ее!

Старикъ всѣми силами старался пріободрить и развеселить Мишу и достигъ-таки своей цѣли. Къ вечеру сторожъ уже въ подробности зналъ всѣхъ членовъ семьи своего больного, всѣхъ сосѣдей, всѣхъ его домашнихъ животныхъ, а также узналъ и завѣтную мечту ребенка — послать домой денегъ.

— Погоди, ужо, — говорилъ онъ, лукаво подмигивая глазомъ, — и пошлемъ... и письмо я тебѣ напишу... Молчи...

Миша совсѣмъ развеселился и уже гораздо спокойнѣе сталъ относиться къ своему погибшему мизинцу.

IX.

Выздоровленіе Миши шло медленно. Рука все болѣла, раны нагноились, а фельдшеръ только и говорилъ, что «пройдетъ» да «потерпи...» Миша терпѣлъ, и уже самъ сталъ надѣвать на глаза шапку сторожа, когда фельдшеръ приготовлялся дѣлать перевязку.

— Сегодня пойду за жалованьемъ, — торжественно объявилъ мальчуганъ въ одно утро своему пріятелю — сторожу.

— Иди, иди, братъ; а тамъ письмо напишемъ, — отвѣчалъ старикъ.

— А какъ опять не дадутъ?! — съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ проговорилъ Миша.

— Вотъ тебѣ разъ, не дадутъ! — обиженно воскликнулъ сторожъ. — А ты тогда скажи: «Подайте мой мизинецъ...»

Миша надѣлъ свой сѣрый армячокъ и, съ подвязанной на тряпкѣ рукой, отправился въ контору. Въ дверяхъ фабрики онъ сотолкнулся съ Васькой-старостой. Тотъ оглядѣлъ его и тихонько ткнулъ пальцемъ въ подвязанную руку.

— Болить? — спросилъ онъ, быстро отдергивая палецъ.

— Пустяки! — важно повторилъ Миша слово, такъ часто слышанное имъ отъ сторожа и фельдшера.

Въ конторѣ онъ наткнулся на прядильщика, съ которымъ работалъ.

— А, Мишутка! — ласково привѣтствовалъ его прядильщикъ. — Скоро ли, братъ, придешь работать?.. На твоёмъ мѣстѣ теперь чурбанъ какой-то: замучился я съ нимъ.

Миша самодовольно обдернулъ здоровой рукой армякъ и съ той же важностью отвѣчалъ:

— Скоро приду!

Наконецъ онъ добрался до конторщика.

— А тебя, братъ, нужно бы отправить домой: сколько еще времени ты даромъ въ больницѣ проваляешься?! — неожиданно сказалъ конторщикъ.

Мишѣ вдругъ стало обидно.

— Давайте расчетъ, — я уйду, — отвѣчалъ онъ, разсердившись.

— Ахъ ты, пострѣленокъ! — воскликнулъ конторщикъ. — Съ него еще надо получить, а онъ расчетъ требуетъ!..

Миша заговорилъ было о своемъ мизинцѣ, но конторщикъ закричалъ: «Пошелъ прочь, не мѣшай!» а толпа фабричныхъ, получавшихъ жалованье, оттѣснила поне-

многу ребенка до самой двери. Онъ посто-
ялъ около этой двери, попробовалъ было
опять двинуться впередъ, но затѣмъ поднесъ
здоровую руку къ глазамъ, полнымъ слезъ
и вышелъ изъ фабрики. Выйдя во дворъ,
онъ прислонился къ крыльцу и заплакалъ.
Сначала мальчуганъ всхлипывалъ тихонько,
потомъ — громче, громче и, наконецъ, со-
всѣмъ разрыдался.

— Мальчикъ, а мальчикъ, о чемъ пла-
чешь? Кто тебя обидѣлъ? — вдругъ раз-
далось надъ его ухомъ.

Онъ отнялъ отъ своего мокрого лица
руку и взглянулъ полными слезъ глазами.
Недалеко отъ него стояла сама барыня,
Анна Максимовна. Въ ту же минуту онъ
почувствовалъ на своей щекѣ что-то
холодное, какъ ледъ, а потомъ точно кто
провелъ по ней мокрой тряпкой, горячей-
горячей. Онъ попятился, потомъ остановился
въ изумленіи, и на его лицѣ появилась
самая веселая, счастливая улыбка. Около
него заботливо и серьезно обхаживала
огромная черная собака, облизываясь и
ласкаясь къ мальчику. Пока Миша стоялъ,
смотрѣлъ и отъ восхищенія не могъ
сказать слова, собака опять заглянула
ему въ лицо большими умными глазами и

провела языкомъ съ его подбородка и до самого лба.

— Ну-у, — ласково отмахнулся отъ нея Миша и утерся полой армяка.

— Ты не бойся, мальчикъ, она тебя не тронетъ, — заговорила барыня, подзывая къ себѣ собаку. — Баринушко, Баринушко! — кликала она собаку.

Но Баринушко не хотѣлъ отойти отъ мальчугана и теперь рылся въ его шапкѣ, тыча носомъ съ такой силой, что голова Миши то и дѣло наклонялась въ разныя стороны.

— Вѣрно, это хорошій мальчикъ! — воскликнула барыня, обращаясь къ сопровождавшему ее господину. — Баринушко никогда не станетъ ласкаться къ злему человѣку.

Затѣмъ она опять повторила свой вопросъ, о чемъ плакалъ Миша и отчего у него подвязана рука. Онъ разсказалъ все.

— Бѣдный мальчикъ!.. Пойдемъ вмѣстѣ со мной, — сказала Анна Максимовна.

Когда они вчетверомъ вошли въ контору, толпа фабричныхъ раздвинулась передъ ними, а конторщикъ даже всталъ со стула. Впереди шла Анна Максимовна съ бариномъ, а за ними слѣдовалъ Миша съ собакой, которая ни за что не хотѣла отстать отъ нихъ. На приказаніе барыни дать Мишѣ

— Мальчикъ, а мальчикъ, о чемъ плачешь? — вдругъ
раздалось надъ ухомъ Миши.

денегъ, конторщикъ почтительно отвѣчалъ,
что мальчику сдѣлано то и то, вычтено за
харчи, а заработанныхъ денегъ у него нѣтъ.

— Ну, заработаетъ, — нетерпѣливо сказала барыня.

Конторщикъ началъ опять почтительно докладывать, что Миша теперь не можетъ работать и скоро ли выздоровѣетъ — неизвѣстно; что, молъ, всѣ эти мальчишки — ужасные шалуны, и мало того, что попадаютъ руками въ машины, а даже пробуютъ ихъ языкомъ; онъ, конторщикъ, даже самъ видѣлъ, какъ одинъ мальчишка лизалъ языкомъ блестящую стальную часть машины...

— Этотъ — не шалунъ, этотъ — хорошій мальчикъ... Ужъ это сейчасъ видно, да и Баринушко не сталъ бы ласкаться къ другому, — перебила его барыня и сердито отвернулась отъ конторщика.

Тотъ, стоя, раскрылъ большую книгу, черкнулъ въ ней перомъ, потомъ вынулъ замасленную, рваную рублевую бумажку и сунулъ Мишѣ, прибавивъ, что еще надо на паспортъ послать.

Хотя Миша мечталъ о зелененькой бумажкѣ, но въ виду представившихся затрудненій для ея полученія, онъ безъ ума обрадовался и желтенькой. Баринушко тоже потянулся съ своимъ носомъ къ ассигнаціи; Миша зажалъ ее въ рукахъ.

— Покажи ему, покажи, — смѣясь сказала барыня и прибавила: — Удивительно, что это съ нимъ сдѣлалось? Онъ вовсе не ласковый... Нѣтъ, ужъ онъ чуетъ людей.

Когда Миша возвратился въ больницу, пріятель-сторожъ только взглянулъ на его лицо и сказалъ:

— Ну, братъ, рассказывай!

Мальчуганъ показалъ желтенькую бумажку и принялся рассказывать.

— Ужъ правда, что «счастливчикъ»! — воскликнулъ весело старикъ, выслушавъ рассказъ: — не случись тутъ этого «Баринушки», ничего бы тебѣ не получить... Теперь, братъ, дослуживайся до прядильщика: прядильщики много получаютъ денегъ...

— Вотъ, когда вырасту, коли хлѣба въ деревнѣ не будетъ... — отвѣчалъ Миша.

— Непремѣнно, братъ, — подхватилъ старикъ. — Мизинецъ — это что? больше рубля онъ и не стоитъ; голову — береги: безъ головы — дѣло дрянъ...

— Что ужъ безъ головы, чего хуже, — согласился Миша, весь сіяющій счастьемъ и не сводя глазъ съ рваной бумажки.

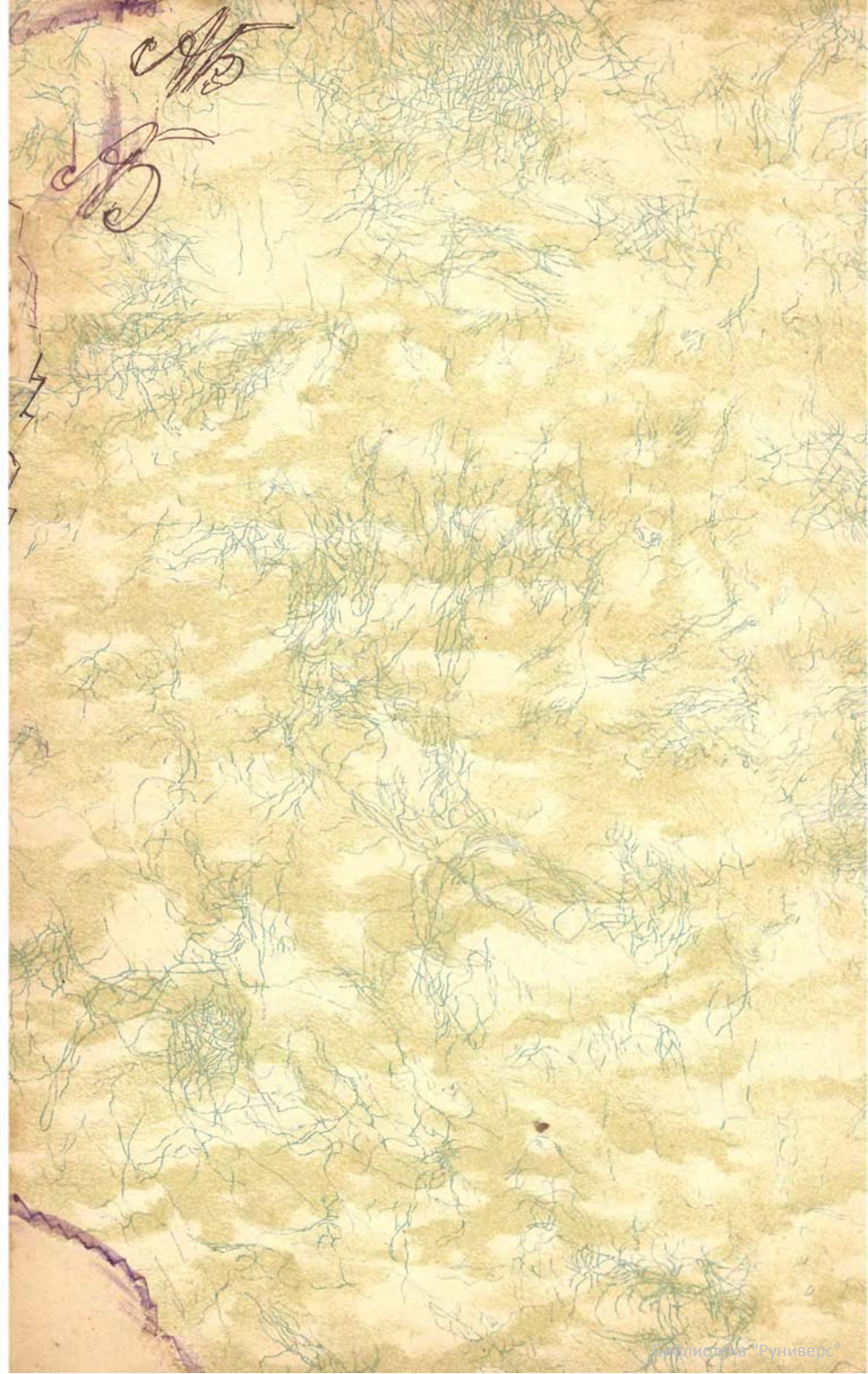
— А мамкѣ не надо писать о мизинцѣ! — сказалъ старикъ, принимаясь за писаніе письма... — Пожалуй, заплачетъ...

— Заплачетъ, — отвѣчалъ, подумавъ, Миша, — и бабушка тоже заплачетъ...

Письмо было написано, въ тотъ же день отослано на почту, и Миша, засыпая въ эту ночь, все считалъ — сколько «мамка» можетъ намѣнять изъ этой бумажки грошиковъ, все представлялъ себѣ, какъ она будетъ радоваться. Грошиковъ выходило такъ много, что онъ заснулъ, не досчитавъ и до половины.

Его мечта исполнилась: деньги «мамкѣ», наконецъ, посланы, а тамъ... онъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ за зиму еще заработаетъ и пошлетъ мамкѣ, чего добраго, двѣ зелененькихъ. То-то обрадуется! Только бы голова на плечахъ уцѣлѣла, а то безъ головы — чего хуже! А тамъ дальше — что Богъ дастъ!

И. И. М. М.

М. И. М. М. на сдв. Руки